

А.К. Глазунов. Возвращенное наследие. Письма к А.К. Глазунову. Избранные страницы переписки (1928–1936). — СПб.: СПб ГБУК «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства», 2013. — Т. I. — 408 с.: ил.

Особый интерес к русскому зарубежью, который возник в конце 1980-х гг., не угас и поныне. Это понятно: слишком значительно всё то, что было сделано представителями русской культуры за рубежом. И если общую картину «эмигрантской» литературной жизни в Европе 1920–1930-х гг. мы представляем уже достаточно полно, то о других областях культуры — по крайней мере, о музыке — этого сказать нельзя.

Настоящее издание открывает малоизученные «зарубежные» страницы творческой биографии Александра Константиновича Глазунова. Наиболее значительный корпус материалов, связанных с жизнью композитора, вышел в свет более полувека назад (*Глазунов А.К. Письма, статьи, воспоминания. Избранное.* М., 1958; *Глазунов: Исследования. Материалы. Публикации. Письма.* Т. 1–2. Л., 1959–1960). После этих изданий появление настоящего тома трудно переоценить. Здесь мы обнаруживаем не только набор важных сведений, «фактов», но и состояние души композитора в последние годы жизни. Об этом говорят некоторые отрывки из его писем:

«Счастлив был увидеть настоящую северную зиму, по которой, живя за границей, соскучился. Приятно было кататься на извозчиках и не гнуть спину в тесных кривых автомобилях. Встретил много друзей, которых не видел много-много лет».

В нескольких строчках о рижских впечатлениях из письма доброму знакомому, Яну Ансовичу Вольфману, запечатлелась особая ностальгия — не по России нынешней, но по старой, дореволюционной России. О таком «доисторическом», даже — «внеисторическом» русском уголке в Риге напишет Георгий Иванов в очерке «Московский форштадт». Чувства, подобные глазуновским, на окраинах бывшей Российской империи испытают в тридцатые годы и Сергей Рахманинов (в Варшаве), и Иван Шмелев (в Печорах, на «краю» Эстонии). Важна строчка и о давних друзьях. В заграничной жизни композитор испытывал недостаток обще-

ния с товарищами по искусству (этот «душевный голод» будут ощущать очень многие русские музыканты). И конечно, годы, проведенные в Европе, слишком удаляли его от привычного существования и от привычного ритма. Любовь к извозчикам, к «старорежимной» размеренной жизни понятна у пожилого уже человека. Но эту привязанность к «прошлому» Глазунов сохранил и в искусстве.

Квартет для четырех саксофонов и Концерт для саксофона с оркестром, завершающие творческий путь композитора, как и вообще интерес Глазунова к джазу, говорят об особой его чуткости к современному звуковому миру. Тем не менее в музыкальной жизни 1920–1930-х гг. Глазунов воспринимался как своего рода «классицист» и «архаист». И здесь он не был одинок. Таковым ощущал себя, например, и Сергей Рахманинов. И тоже несмотря на сходный интерес к джазовой музыке и саксофону (его партия зазвучит в «Симфонических танцах»). Из переписки Николая Метнера с Рахманиновым мы знаем, насколько неуютно эти два «традиционалиста» чувствовали себя среди современной им музыки. Оказавшись за границей, где значительная часть критики была настроена «новаторски», композитор Глазунов по сути дела встал в тот же ряд «музыкальных изгнанников».

Том из «Возвращенного наследия» композитора дает возможность почувствовать приметы музыкальной жизни Европы между двумя войнами. Он знакомит и с важными страницами жизни и творчества его давних знакомых — И.И. Витоля, А.И. Зилоти, Л.Э. и Ю.Э. Конюсов, Н.К. Метнера и др. Но вместе с тем один из наиболее драматичных сюжетов представленных писем — именно об этом: об «архаистах и новаторах», о противостоянии двух музыкальных эстетик. Отклик критика Бориса Шлёцера на глазуновский концерт в номере «Последних новостей» от 30 декабря 1928 г. воспринят композитором как «гадость». И в плане личном, «биографическом» «Письмо к редактору» значительной части музыкантов (оно приводится в примечаниях), как и ответные извинения Павла Милюкова, главного лица в «Последних новостях», могли бы тему «недружественной критики» закрыть. Но для Шлёцера среди современных композиторов была неприемлемой фигура не только Глазунова, но и упомянутых Метнера и Рахманинова. В адрес последнего, — отдавая должное редкому пианистическому мастерству, — он тоже высказал немало жестких фраз. И вряд ли на позиции критика сказала только лишь давняя приверженность музыке Скрябина или его особое внимание ко всякой «новизне» (например, к творчеству Стравинского). Как-никак другой «скрябинист», Леонид Сабанеев, именно за рубежом стал иначе оценивать значение «консерватизма» и «модернизма» в музыке, теперь уже поставив Рахманинова выше Скрябина. Зато в каких-то основных предпочтениях с позицией Шлёцера сближался известный музыковед-евразиец Петр Сувчинский.

Многие детали музыкальной жизни русского зарубежья, как и «расстановка музыкальных сил», до сих пор остаются не до конца проясненными. Тем важнее появление новых книг, подобных «Возвращенному наследию». Вышедший том архивных публикаций, тщательно комментированных, дает возможность отчетливее высветить и отдельные звенья биографии Александра Константиновича Глазунова, и музыкальную жизнь русского зарубежья 1930-х гг., и ту борьбу «эстетик», без которой эта музыкальная жизнь тоже не могла обойтись.